

УИЛЬЯМ МОРРИС

НИЗШАЯ ЗЕМЛЯ

Часть сборника: Воды Дивных Островов (сборник)

Уильям Моррис

Низшая земля

«ЭКСМО»

1856

Моррис У.

Низшая земля / У. Моррис — «Эксмо», 1856

«А вы знаете, где она – Низшая Земля? Я давно искал её, эту Низшую Землю, ибо там впервые увидел свою любовь. В первую очередь, мне бы хотелось рассказать вам, как я нашёл её, но подступившая старость сделала слабой мою память. Подождите, позвольте подумать – быть может, я и вспомню, как всё это произошло...»

© Моррис У., 1856

© Эксмо, 1856

Содержание

Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Уильям Моррис

Низшая земля

*В сих древних повестях – чудесных, многословных –
Мы слышим о героях, доблестных и благородных,
О радостях, возвышенных победах, о горестных
несчастиях и бедах,
О благородстве, мужестве, боях и всяческих
волшебных чудесах.*

Песнь Нибелунгов. «Разное», Карлайл

Глава I

Борьба в миру

А вы знаете, где она – Низшая Земля?

Я давно искал её, эту Низшую Землю, ибо там впервые увидел свою любовь.

В первую очередь, мне бы хотелось рассказать вам, как я нашёл её, но подступившая старость сделала слабой мою память. Подождите, позвольте подумать – быть может, я и вспомню, как всё это произошло.

Да, в ушах моих над унылыми равнинами всё поют и поют трубы, а слух и зрение до сих пор полны конского топота, копий, звона и блеска стали, оскаленных ртов, стиснутых зубов, криков, воплей и проклятий.

Как случилось, что доселе никто не находил её, ведь она близко от наших краёв! Но разве у нас есть время на поиски её или вообще чего-нибудь доброго, когда ото всех сторон нас осаждают такие насущные и необходимые заботы... заботы о великих вещах, колоссальных вещах, о, мои братья! А точнее – о пустяках, но кто же из людей понимает это?

Жизни, проведённые в суете, в старании сделать другого несчастным, в горестном непонимании сердечных устремлений ближних и далёких; жизни, отданные стремлению сделать несчастными тех, кого Господь не творил несчастными... Увы, увыв! У кого из нас есть возможность отыскать Низшую Землю? У нас нет времени даже на поиски.

И всё же, кто не мечтал о ней? Кто, полагая себя несчастным – зная, что это всего лишь мечта, не ощущал вокруг своих ног прохладные волны, розы на собственном челе, не слышал ухом шёпота ветерков Низшей Земли в ветвях её лип и буков?

Итак, звали меня тогда именем Флориан. И принадлежал я к дому Лилии, как и отец мой – Лорд, а потом старший брат мой – Арнальд. И звали меня Флорианом де Лилейсом.

После, когда умер мой отец, разыгралась усобица между домом Лилии и Алым Харальдом, и вот её история.

Леди Сванхильда, мать Алого Харальда, осталась вдовой, имея на руках единственного сына. Когда же она, женщина княжеской крови, пригожая и свирепая, провела во вдовстве два года, король Уррейн прислал за ней, требуя согласия на брак. Помню, тогда, мальчишкой, я видел выезжающую из города кавалькаду, многие юные рыцари и сквайры прислуживали Леди Сванхильде в качестве пажей, и среди них был Арнальд – мой старший брат.

Я смотрел из окна и видел, как он шёл возле её лошади в весьма изящном белом с золотом костюме. Но вышло так, что брат мой споткнулся, а вместе с другими он нёс над головой этой дамы золотой полог, сразу провисший так, что даме этой пришлось нагнуть голову, но

золотая парча всё же зацепилась за один из длинных и тонких золотых цветков, венчавших её корону. Она побагровела от гнева, и по гладкой коже лица вдруг разбежались морщинки, как на деревянной личине. Вцепившись левой рукой в наряд, она яростно дёрнула, раздирая уток и основу¹. На зубце осталась целая прядь, но, посмотрев сквозь растрепавшиеся нити, Сванхильда привстала, а потом ударила моего брата позолоченным скипетром прямо по лбу... Красная кровь потекла на его одежду, однако, побелев как мел, брат не сказал ни слова, хотя был наследником дома Лилии. Моё маленькое сердце наполнилось гневом; я поклялся отомстить, как сделал тогда и он сам.

Пробыв королевой три года, Сванхильда переманила на свою сторону многих рыцарей и лордов короля Уррейна, убила мужа во сне и стала править вместо него. Сын же её, Харальд, возмужал и сделался могучим и известным рыцарем к тому времени, как я впервые надел панцирь.

И вот, однажды ночью, уже засыпая, я почувствовал, что к лицу моему прикоснулась ладонь. Вскочив в постели, я увидел возле себя Арнальда в полном доспехе.

Он сказал:

– Флориан, подымайся и вооружайся.

Так я и поступил, но только не надел шлем – как и брат мой.

Он поцеловал меня в лоб, и губы его показались мне горячими и сухими; а потом принесли факелы, и я смог разглядеть его лицо: оно было очень бледным. Брат сказал:

– Помнишь ли ты, Флориан, что случилось шестнадцать лет назад? Прошло много времени, но я не забыл и не забуду тот день – если только случившееся тогда не изгладит нынешняя ночь.

Я понял, о чём он говорит, и весьма возликовал при мысли о мести – ибо был гневен сердцем, а посему не отвечал, только прикоснулся ладонью к его губам.

– Хорошо, Флориан. У тебя отменная память. Пойми, я ждал очень долго и сперва говорил себе, что прощаю её; но когда пришла весть о гибели короля и о её бесстыдстве, я решил подождать знамения: если Господь не покарает её за некоторое число лет, значит, Он назначает меня исполнителем своей кары. Два года я следил и следил, отыскивая возможность, и вот она, наконец, представилась, ибо королева ночует сегодня – в самый канун Рождества – в крохотном укрепленном городке у границы, не более чем в двух часах скачки отсюда. Охрана невелика, ночь выдалась бурная... Более того, приор некоего монастыря, что находится снаружи, у самых стен, – мой надёжный друг в этом деле, ибо она учинила жестокую несправедливость и над ним. Во дворе внизу меня ждут сто пятьдесят рыцарей и сквайров, люди верные и надёжные... Одно мгновение, и в путь.

Тут оба мы преклонили колена и помолились Богу, дабы Он отдал её в наши руки.

В тот день мне впервые предстояло воспользоваться в гневном остром мечом, и я радовался под глухой гром конских копыт, пронзавший свирепую ночь.

Часа через полтора мы пересекли границу, а ещё через полчаса отряд остановился в лесу возле Аббатства, а я с несколькими людьми подъехал к монастырским воротам и четырежды ударил в них рукояткой меча, топая каждый раз ногой о землю. Долгий, негромкий свист ответил мне изнутри – я должным образом отозвался; тут калитка открылась, и из неё вышел монах с фонарем. Человек этот – в самом расцвете сил, высокий, могучий – поднёс фонарь к моему лицу, улыбнулся и проговорил:

– Знамена обвисли.

Я произнёс отзыв:

¹ *Уток и основа* – две системы нитей, образующие ткань: нити основы расположены параллельно друг другу и идут вдоль ткани, нити утка расположены перпендикулярно основе. В результате последовательного переплетения нитей основы и утка на ткацком станке вырабатывается ткань. Основа перед ткачеством подвергается шлихтованию – дополнительной обработке клеевыми веществами для придания ей большей гладкости и увеличения прочности.

– Султана обрубили.

– Хорошо, сын мой, – сказал он. – Лестницы внутри, но я не стану приказывать братьям вынести их. Они терпеть не могут ведьму, однако же боязливы.

– Не важно, – ответил я. – У меня есть с собой люди.

Они вошли и принялись брать на плечо высокие лестницы: приор хорошо потрудился.

– Вот увидишь, сын мой, они окажутся как раз нужной длины.

Весёлый и приятный человек... Трудно поверить, чтобы монах мог лелеять в сердце столь яростную ненависть... Однако лицо приора странным образом потемнело, когда ему случилось упомянуть имя королевы.

Когда мы собрались уходить, он вышел и остановился возле ворот; поставив фонарь на землю, он внимательно взгляделся в ночное небо и сказал:

– Ветер стих, с каждым мгновением снежные хлопья становятся меньше и реже, через час подморозит и прояснится. Всё зависит от того, насколько полной окажется неожиданность... Подожди-ка минутку, сын мой.

Усмехнувшись, он направился прочь и скоро вернулся с парой крепких монахов, они бросили свою ношу к моим ногам – белые стихари, сколько их было в обители.

– Вот, поверь старику, повидавшему достаточно сражений во времена плотской жизни. Пусть те, кто полезет на стены, наденут белое поверх панцирей... Тогда их, во всяком случае, будет не так заметно. Господь да сохранит твой меч острым, сын мой.

Так мы расстались, и, когда я увидел Арнальда, брат одобрил выдумку приора. Посему мы решили, что я возьму тридцать человек, а с ними старика-сквайра из нашего дома, умелого в военном искусстве, тихо взберусь на стену и открою ворота для всех остальных.

Так мы и поступили, только сперва, негромко пересмеиваясь, облачились в стихари и прикрыли ими лестницы. Медленно и осторожно подбирались мы к стене; ров замёрз, и лёд покрылся толстым слоем снега. Можно было рассчитывать на беспечность стражников, ибо никто из них не позаботился расколоть лёд во рву. Тут мы прислушались – но не услышали даже звука; Рождественская полунощная месса давно завершилась, было около трёх часов ночи, луна уже проглядывала сквозь облака, и снег почти прекратился – каждое мимолётное облако наделяло нас теперь разве что парой-другой снежинок. Ветер негромко вздыхал, огибая круглые башни, сделалось холодно, ибо погода повернула к морозу. Мы прислушивались какое-то время – наверное, с четверть часа, – а потом по моему знаку люди осторожно подняли лестницы, поверху обёрнутые шерстью.

Я отправился первым, старый сквайр Хью замыкал. Бесшумно поднявшись, мы собрались наверху стены, а потом, опустив лестницы с помощью длинных верёвок, извлекли топоры и мечи из-под складок церковных одежд и отправились вперёд – к ближайшей башне... Дверь в неё оказалась открытой, в очаге верхнего помещения тлели уголья – там никого не было. Миновав его, мы отправились вниз по круглой лестнице. Я шёл первым, поближе перехватив топор.

«Что, если нас сейчас остановят? – подумал я и захотел вернуться на воздух. – Что, если внизу все двери будут заперты».

Минуя второй сверху этаж, мы услышали внутри чей-то громкий храп; осторожно заглянув внутрь клетушки, я увидел в постели рослого мужа, длинные чёрные волосы его рассыпались по подушке и даже касались пола. Обратив нос к потолку и открыв рот, он, казалось, погрузился в самый глубокий сон, так что мы не стали убивать его. Хвала Господу! Дверь оказалась открытой, и, даже без шепотка, не замедляя шага, мы вышли на улицу – на ту сторону её, куда намело сугробы, ведь одежды наши были белыми, а дувший целый день ветер залепил снегом карнизы и стены домов, и дерево, и грубый камень, почти не оставив тёмного пятна. Так, невидимые и неслышные благодаря снегу, пробирались мы вперёд, пока не остановились

в ста ярдах от ворот и караулки. А остановились мы потому, что слышали чей-то голос, выводящий:

Королевы Марии злат-ясен венец,
Короля Иосифа ясен и ал,
Но Иисусовой короны алмазный свет
Все углы вертепа освещал.

Итак, караул всё-таки выставили; вот и часовой поёт, чтобы отогнать нечистых духов. Но к бою! Мы подошли ещё на несколько ярдов и остановились, чтобы избавиться от монашеских одежд.

Семь корабликов на небе синем;
Парус бел, ал флажок, ясен путь...
Семь планет подплывают, чтоб всем им
Лечь звёздами на белую грудь.

Тут он, должно быть, заметил движение чьего-то опадавшего на землю стихаря, потому что копье вывалилось из его руки и он остолбенел с открытым ртом, представляя себе крадущийся к нему призрак; наконец, вернув в сердце отвагу, он взревел, как десяток молодых бычков, и бросился в караулку.

Мы последовали за ним без особой спешки и оказались возле двери вовремя: дюжина повысыпавших из неё наполовину вооружённых ратников попала как раз под наши топоры. Ну, а пока мои люди расправлялись с ними, я протрубил в рог, а Хью вместе с кем-то ещё отодвинул засов и запор и распахнул ворота настежь.

Тут караульные внутри дома сообразили, что попались в ловушку, и начали проявлять признаки шумного смятения, посему я оставил у ворот Хью с десятком людей – на случай, если стражники всё-таки проснутся и вооружатся, – а сам отправился дальше со всеми остальными людьми. Пока мы убивали тех, кто не желал сдаваться, явился Арнальд с остававшимися при нём; они привели с собой наших коней... Тут все враги сложили оружие! Мы пересчитали пленников, их оказалось более четырёх двадцаток. Не зная, как поступить с ними – ибо охранять такое войско у нас не хватало людей, а убивать их было бы низко, – мы отправили на стену нескольких лучников и, выставив пленников за ворота, велели им уносить ноги, подкрепив предложение несколькими пущенными вдогонку стрелами... Не зная нашего числа, они не стали упрямиться.

После, увидев над своей головой занесённые топоры, один из пары пленных, которых мы оставили при себе, сообщил нам, что люди доброго городка не станут своей волей сражаться с нами, потому что испытывают к королеве одну только ненависть; ещё они сказали, что она находится во дворце под охраной пятидесяти рыцарей и кроме них никто в городке не станет сопротивляться нам. Поэтому, взяв копья в руки, мы отправились прямо ко дворцу.

Мы не успели далеко отъехать, когда впереди послышался топот приближающихся всадников, и вскоре они выехали из-за поворота длинной улицы. Заметив нас, они в изумлении натянули поводья и остановились.

Мы же, не замедлив шага и на мгновение, бросились навстречу им с воплем, в который я вложил весь свой пыл.

Не желая бежать, они опустили копья и ожидали нас, стоя на месте. Я не попал в намеренного рыцаря, а точнее – попал ему в самый верх шлема, однако конь мой скакал вперёд, я вдруг ощутил удар, заставивший меня пошатнуться в седле, и рассвирепел. Противник успел угодить мне по рёбрам – рука моя была поднята, но плоской стороной меча.

Обезумев от ярости, я повернулся и, буквально навалившись на него, схватил за шею обеими руками и выбросил из седла под копыта коней. Гневно выдохнув, я услышал возле себя голос Арнальда:

– Отличная победа, Флориан.

Между стальных шлемов мелькало его суровое лицо – ибо он принёс обет всегда сражаться с непокрытой головой в память о полученном тогда ударе. Громадный меч его выписывал широкие дуги, шипя в воздухе, словно существо живое и довольное.

Тут счастье наполнило мою душу, и я всем сердцем отдался битве, а огромный топор в моей руке казался легоньким молоточком... Враги наши падали, как трава, и мы перебили всех, потому что рыцари эти не желали бежать или сдаваться, но стойко умирали на своём месте. Здесь мы потеряли около пятнадцати наших людей.

Наконец, мы добрались до дворца, ворота которого стерегли несколько вооружённых конюхов и подобного им сброда. Некоторые сразу бежали, других мы взяли в плен; один из захваченных умер в наших руках просто от ужаса – не получив и небольшой раны... Должно быть, решил, что мы съедем его.

У пленников мы узнали, где находится королева, и направились в большой зал.

Там Арнальд сел на высокий престол и положил перед собою обнажённый меч. По обе стороны от него сели рыцари – сколько нашлось для них места, остальные окружили их. А я, прихватив с собой десяток людей, отправился за Сванхильдой.

Я сразу нашёл её: королева сидела в роскошной палате в полном одиночестве. Увидев её, я готов был пожалеть Сванхильду – в таком унынии и отчаянии она находилась... Поблекла и красота её, и глубокие морщины прорезали кожу. Но едва я вошёл, она узнала меня, и лицо её исказила столь бесовская ненависть, что жалость моя преобразилась в ужас.

– Рыцарь, – спросила она, – кто ты такой и чего хочешь, столь бесцеремонным образом являясь в мои покои?

– Я, Флориан де Лилейс, явился, чтобы проводить тебя в зал суда.

Она вскочила – прямо девчонка с виду.

– Проклятье и тебе, и всему твоему роду... Вас-то я ненавижу горше, чем кого бы то ни было на свете... Стража! Стража!

Королева затопала ногами, жилы на лбу её вздулись, округлившиеся глаза сверкали... Словно бы обезумев, она всё топала и звала стражу.

Потом, наконец, она вспомнила, что находится в руках врагов, села, прикрыла лицо ладонями и пылко разрыдалась.

– Ведьма... – бросил я сквозь стиснутые зубы, – ты пойдёшь сама или мне придётся отнести тебя в большой зал.

Она не хотела идти и оставалась на месте, теребя своё платье и терзая волосы.

Тогда я приказал:

– Свяжите её и отнесите вниз.

И то было исполнено.

Войдя, я поглядел на Арнальда. На суровом бледном лице брата не было видно радости – лишь решимость, ибо он уже принял решение.

Её посадили на стуле посреди зала – напротив помоста.

Брат сказал:

– Флориан, пусть её развяжут.

Когда это сделали, она подняла взгляд от пола и обдала нас презрением, словно давая понять, что примет смерть – как положено королеве.

И вот Арнальд встал и проговорил:

– Королева Сванхильда, мы считаем тебя виноватой и осуждаем на смерть, однако ты – королева и принадлежишь к благородному роду, а потому примешь смерть от моего рыцаря

ского меча. Я даже приму на себя укоризну за убийство женщины, ибо не позволю никакой другой руке нанести этот удар.

Тут она молвила:

– Лживый рыцарь, покажи мне приговор – от Бога, человека или дьявола.

– Этот приговор от Бога, Сванхильда, – сказал брат, поднимая меч. – Слушай! Шестнадцать лет назад, когда я едва-едва заслужил шпоры, ты ударила меня, опозорив перед всем народом. Ты прокляла меня, и проклятие было намеренным. Люди дома Лилии, какое наказание положено за это?

– Смерть! – ответили все.

– Слушай ещё! После ты убила моего кузена, своего мужа, самым подлым и предательским образом, пронзив его горло, когда закрытые во сне глаза его были обращены к звёздам на пологие. Люди дома Лилии, какое наказание положено за это?

– Смерть! – ответили все.

– Ты слышала их, королева? Вот тебе и приговор от людей; что же касается дьявола, я не чту его, чтобы исполнять его приговоры. Однако, судя по твоему лицу, даже он, наконец, оставил свою подружку.

Так, наверно, и было, потому что тут вся гордость оставила Сванхильду: повалившись на пол, она принялась со стонами кататься и рыдать, как дитя, роняя слёзы на дубовые половицы. Она вымаливала хотя бы месяц жизни... А потом подобралась ко мне и, не поднимаясь с колен, принялась молить, заливая влагой подбородок.

Поёжившись, я отступил: незачем стоять рядом с гадюкой. Я мог бы пожалеть королеву, прими она смерть с отвагой, но чтобы такая особа скулила и визжала... Тьфу!

Тут с возвышения донёсся жуткий голос Арнальда:

– Пусть настанет конец всему этому.

С мечом в руках он направился к ней по залу; королева поднялась с пола и застыла, нагнувшись, подняв плечи... Чёрные глаза её сверкали, как у готовой к прыжку тигрицы. Но когда брат оказался шагах в шести от Сванхильды, нечто во взгляде его или зловещий отблеск меча в свете факелов вселили в неё смятение. Всплеснув руками, она завизжала и заметалась по залу. На лице Арнальда не проступило ни капли презрения, ни одна черта на лице его не переменялась. Он только сказал:

– Приведите её сюда и свяжите.

Кто-то из наших подошёл к ней, но она бросилась на этого человека, ударила головой в живот и, пока он разгибался, сорвала меч с его пояса и рубанула по плечам. Многих успела она ранить, прежде чем её схватили.

Потом Арнальд подошёл к креслу, к которому её привязали, занёс меч, и наступило великое молчание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.